

Когда Сун Гуйчэн пришел в себя, первое, что он увидел, открыв глаза, был черный лакированный гроб.

Рядом с гробом стояла жаровня, в которой с треском горели бумажные деньги и золотые слитки. В ушах едва слышно звенела суона, а вокруг раздавался приглушенный шепот собравшихся.

Где это я?

Он не сразу сообразил, что произошло. Еще мгновение назад он сидел перед компьютером, дописывая диссертацию, а теперь экран сменился огромным гробом. Перед тем как потерять сознание, он отчетливо услышал странный голос:

— Добро пожаловать в игру След души.

— Игрок: Сун Гуйчэн.

— Возраст: 24.

— Пол: мужской.

— Род занятий: студент.

— Ш-ш-ш...

— Копия загружается... Загрузка завершена.

— Новичковая копия: Похороны в маленькой деревне.

— Сложность: Е.

— Основное задание: Погребение.

— Награда за прохождение: 100 баллов.

— Прямая трансляция запущена. В ознакомительном уровне взаимодействие со зрителями невозможно.

Снова открыв глаза, Сун Гуйчэн понял, что оказался в этом мире.

Похоже, это был поминальный зал. Ветер заставлял пламя свечей дрожать, а снаружи, судя по всему, только что прошел дождь, так как к запаху гари от бумажных денег примешивался влажный, затхлый смрад.

Он сидел рядом с жертвенным алтарем, на котором горели две белые свечи. Посредине стоял портрет девушки. Сун Гуйчэн не решился вглядываться, лишь краем глаза заметив ее

цветущую юность.

Похороны в маленькой деревне — очевидно, это были похороны той самой девушки с фотографии.

Возле гроба стояли два бумажных человечка — один в красном, другой в зеленом. Черные глаза, густые брови, яркие алые губы. По логике, их лица должны были быть обращены к выходу, но они почему-то смотрели внутрь, прямо на Сун Гуйчэна. Он отвел взгляд, не решаясь смотреть на них снова.

В глубине комнаты, под белыми полотнами траурных стягов, люди сидели небольшими группами, переговариваясь вполголоса. Бледная женщина лет пятидесяти в белом льняном одеянии стояла на коленях перед гробом, тихо плача и подбрасывая в жаровню бумажные деньги.

Вдали, под тусклым лунным светом, пейзаж казался размытым и призрачным, едва угадывались лишь очертания далеких гор. Сун Гуйчэн невольно вздрогнул.

Он не знал, что каждое его движение снимает невидимая камера, транслируя происходящее в эфир.

— О, новичок, да еще и красавчик!

— Сун Гуйчэн, имя приятное, а вот с удачей беда.

— Похороны в маленькой деревне? Черт, процент прохождения всего пять процентов, кажется.

— Самая сложная новичковая копия.

— Бездельничаю.

— И я бездельничаю.

— Молюсь, чтобы парень выжил хотя бы до утра, редко таких найдешь.

— Сомневаюсь.

Сун Гуйчэн не видел этих сообщений, да и времени на них у него не было. Опустив взгляд, он обнаружил, что его рубашка сменилась на грубую холщовую куртку, на ногах — тряпичные туфли, а телефон и бумажник из карманов исчезли. Только сейчас он по-настоящему осознал, что попал в другой мир.

Он сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться и проанализировать ситуацию. Из сообщения системы он выделил три ключевых слова: След души, основное задание и трансляция. Вывод был очевиден: он стал игроком, ему нужно выполнить задание, а за всем этим кто-то наблюдает.

Он взглянул на потолок, но не увидел камер. Он никогда не увлекался играми, зная о них лишь по шуму в общежитии, из-за чего в итоге и съехал на съемную квартиру. Нахмурившись, он перебрал в памяти все известные ему названия — ни одно не было похоже на След души.

Основное задание было предельно ясным: погребение. Согласно народным обычаям, после смерти тело остается в поминальном зале для прощания, обычно на три дня, после чего его хоронят. Это все, что он мог сейчас предположить.

У него затекли ноги, и он решил встать, чтобы размяться. Когда он поднялся, ветер качнул пламя свечей на алтаре, и ему показалось, что один из бумажных человечков шевельнулся. Голова неживой куклы, стоявшей у гроба, дернулась!

Сун Гуйчэн замер. Он облизнул пересохшие губы и стал молиться, чтобы это была лишь игра воображения.

В зале, казалось, никто ничего не заметил: старики продолжали пить и болтать, кто-то даже разложил карты. Сун Гуйчэн сделал шаг вперед, сложил руки в молитвенном жесте и поклонился гробу, а затем портрету девушки. Уважение к усопшей — это святое.

Девушка на фото была совсем молодой, лет восемнадцати-девятнадцати, с застенчивой улыбкой. Он вздохнул, искренне сожалея о ее ранней смерти.

Повернувшись, он увидел мужчину высокого роста, стоявшего у входа. Еще мгновение назад там никого не было. В полумраке зала свет свечей освещал лишь половину его лица — глубокие глаза, четкие черты. Он выглядел здесь совершенно чужим.

— Пришел! Мой любимый NPC.

— И мой тоже, до дрожи в коленях красавчик!

— Не дайте себя обмануть его внешностью, женщины!

— Я мужчина.

— Равенство полов...

— Какое равенство...

Пока Сун Гуйчэн смотрел на него, мужчина изучал его в ответ. Когда их взгляды встретились, Сун Гуйчэн увидел его черные глаза. Мужчина был одет в такое же белое льняное одеяние. Он опустился на колени рядом с женщиной и молча начал подбрасывать бумагу в огонь.

Очевидно, это были родственники: женщина — мать, а мужчина — скорее всего, брат. Но если мать была охвачена горем, то брат выглядел совершенно равнодушным, почти холодным.

Через мгновение Сун Гуйчэн отвел взгляд и вышел наружу. Земля под ногами была влажной и грязной — в деревне действительно недавно прошел дождь. Свет из зала освещал лишь небольшую площадку, усеянную обрывками желтой бумаги.

Несколько стариков играли в маджонг за столом. Увидев Сун Гуйчэна, один из них радушно позвал:

— Эй, Сяо Сун, иди к нам, сыграем партию!

Сначала Сун Гуйчэн хотел отказаться, ведь у него не было ни гроша. Но потом подумал: это отличный шанс разузнать обстановку. Даже если не играть, можно послушать, о чем они говорят. Разве бывает маджонг без сплетен? Нет, абсолютно нет!

Он направился к ним.

— Эй-эй, не ходи туда!

— Бойкот азартным играм, начну с себя!

— Мне уже страшно смотреть.

— И мне.

— Раз зовут, иди, имей хоть каплю характера!

Старик, позвавший его, потянулся было, чтобы усадить его на место, но Сун Гуйчэн, заметив, что на руках старика видны странные коричневые пятна, отпрянул.

Он отступил на шаг и сказал:

— Дядюшка, я не буду, мне с вами не тягаться.

Старик рассмеялся:

— Да ладно, ради забавы, играем по мелочи.

Сун Гуйчэн придал лицу озадаченное выражение:

— Я сегодня ничего с собой не взял. Давайте я просто посижу рядом, поучусь у вас.

Его сердце бешено колотилось. Присмотревшись, он заметил, что зрачки мужчины были мутными — верный признак покойника. А коричневые пятна на руках — не что иное, как трупные пятна, которые при тусклом свете были не так заметны. Эта догадка бросила его в холодный пот.

К счастью, старик кивнул и снова сел за стол. Начался новый раунд. Сун Гуйчэн сглотнул и, преодолевая ужас, встал за спинами игроков, не сводя глаз с того самого мужчины. Тот выглядел лет на пятьдесят, с квадратным лицом и мелкими глазами. В отличие от остальных в грубой одежде, он был в хлопчатобумажной рубашке с длинными рукавами — видимо, занимал в деревне не последнее место.

Действительно, кто-то окликнул его:

— Староста, жаль эту девочку из семьи Ли, Цайся. Ведь с твоим сыном уже договорились.

Значит, это староста деревни, а девушку звали Ли Цайся.

Староста покачал головой и вздохнул:

— Да уж, такая была хорошая девчонка, как же так внезапно ушла.

— Старик Ли говорит, что она умерла от болезни, но я что-то сомневаюсь, — другой старик покачал головой. — Два месяца назад она бегала, как здоровая, кто поверит, что так быстро сгорела?

— Эх, скажу я вам, — понизил голос мужчина рядом со старостой, — последние два месяца я постоянно слышал плач, доносящийся из дома Ли. Это была та самая Цайся!

— Да ладно, правда что ли?

— Конечно! Мы все думаем, что ее отец дома ее бил...

Тут староста прервал их:

— Хватит, хватит болтать. Человек умер, разойдемся уже.

Тем временем в другой трансляции Чжан Пэн уже сидел за столом. Едва попав в этот мир, он в испуге опрокинул жаровню. Соседи, не став его ругать, быстро заменили ее на новую. Чжан Пэн был в панике, ему казалось, что из темноты вот-вот что-то появится.

Он выбежал из зала, но обнаружил, что вокруг лишь пустырь и непроглядная тьма. Стоило ему вернуться, как один из стариков позвал его:

— Сяо Чжан, испугался? Ничего, никто тебя не винит, давай сыграем в маджонг.

Старик выглядел добродушным, и Чжан Пэн, успокоившись, сел за стол. В реальной жизни он изредка играл в маджонг, поэтому не придавал значения тому, что происходит, игнорируя жадный взгляд мужчины, наблюдавшего за ним из тени.

— Все, конец ему.

— Двадцати минут не продержался.

— Опять проиграл.

— Не говорите про проигрыш, у меня аллергия.

— Мда, уровень новичков оставляет желать лучшего.

— Хочется пересмотреть трансляцию Бога Чи.

— Вот уж кто был машиной для убийства: если Бог встанет на пути — убьет Бога, если Будда — убьет Будду.

Чжан Пэн думал, что легко обыграет стариков, но вскоре понял, что они играют в сговоре против него.

— Ху! — радостно воскликнул старик рядом.

Чжан Пэн был в ярости, но промолчал. Увидев, что остальные платят, он полез в карман. Пусто.

Он запаниковал, обыскал себя — ни гроша. Он посмотрел на четверых стариков и понял, что это ловушка.

Он обратился к старику в халате за своей спиной, умоляюще прошептав:

— Дядюшка, у меня сегодня нет денег, можно я завтра отдам?

— Завтра? — протянул староста. — Не пойдет. В нашей деревне в долг не играют.

— И что делать? — Чжан Пэн был готов встать на колени. — Дядюшка, я обязательно отдам, сделайте одолжение!

— Ну, раз денег нет... — староста облизнул губы. — Расплатись чем-нибудь другим.

От этого взгляда у Чжан Пэна волосы встали дыбом, но он нерешительно кивнул.

— Хороший мальчик, иди сюда.

Староста поманил его рукой. Чжан Пэн подошел. Староста положил руку ему на плечо и с силой дернул. Раздался звук рвущейся ткани, жуткая боль пронзила сустав, и кровь брызнула фонтаном, заливая одежду Чжан Пэна.

Он в ужасе распахнул глаза: его руку просто оторвали! Старик поднес ее ко рту и начал жадно жевать кожу и мясо.

Чжан Пэн рухнул на землю, кровь заливала почву. Он попытался крикнуть — помогите, — но голос не слушался. Остальные, казалось, ничего не видели, продолжая заниматься своими делами.

— Дитя, ты сам сказал, что расплатишься чем-то другим, — староста приближался к нему, расплываясь в неестественно широкой улыбке.

Чжан Пэн задрожал, пытаясь отползти, но внезапная боль пронзила сердце, и он замертво повалился на землю.

— Игрок Чжан Пэн выбыл.

Система подала голос, но для Чжан Пэна это уже не имело значения.

Сун Гуйчэн наблюдал за игрой уже три партии, и все выигрывал староста. Старики явно поддавались, делая это настолько искусно, что староста чувствовал себя победителем. Везде одни и те же социальные игры, подумал Сун Гуйчэн.

Староста несколько раз звал его играть, но он всякий раз отказывался. Он помнил, что он нищий — выиграй он, проблем не оберешься, а проиграй — чем платить?

Он продолжал наблюдать за залом. Люди вели себя странно: кто-то сидел неподвижно, кто-то шептался, но все то и дело бросали испуганные взгляды на гроб. Он также заметил, что кто-то постоянно поправляет свечи, словно боясь, что они погаснут.

А староста... Сун Гуйчэн почти не сомневался, что тот уже не человек.

Руки Сун Гуйчэна были ледяными. Несмотря на опасность, он кое-что узнал: покойную звали Ли Цайся, она должна была выйти замуж за сына старосты, но внезапно умерла. Мать — та самая женщина, брат — Ли Цинтун, вернувшийся с работы только после смерти сестры.

Он посмотрел на коврик перед гробом: там осталась только мать, мужчины нигде не было. Часов не было, но по ощущениям прошло уже за полночь. Ветер стал еще холоднее, и он плотнее закутался в одежду.

— Спасибо всем, что дежурите. Пора поесть, — внезапно возникший из ниоткуда Ли Цинтун заставил Сун Гуйчэна вздрогнуть.

Он наконец разглядел мужчину: холодные, резкие черты лица, отстраненный взгляд. Голос под стать внешности.

Они прошли в боковую комнату, где стоял деревянный стол с восемью комплектами посуды. Всего в зале было шестнадцать человек, так что ели в две смены.

— Можно мне стакан горячей воды? — спросил он Ли Цинтуна.

Тот бросил на него короткий взгляд и кивнул. Вскоре он принес воду. Сун Гуйчэн поблагодарил его, и горячая вода немного согрела его изнутри.

Комната была бедной, с одной деревянной кроватью и окном на восток. Вскоре подали еду: сначала принесли тарелку белого тофу, а затем пошли мясные блюда — свинина, тушеная рулька, мясо в соусе.

Сун Гуйчэн нахмурился. Семья выглядела бедной, они даже не могли позволить себе приличный венок, так откуда столько мяса? И лишь первая тарелка с белым тофу казалась здесь единственным уместным блюдом.

<http://bllate.org/book/20722/2073785>